

Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека)

Юдин Б.Г.

To make a dream true? (Human engineering)

Yudin B.G.

Институт философии РАН, г. Москва

© Юдин Б.Г.

Рассматриваются возможные сценарии последствий широкого использования технологий конструирования человека. Делается акцент на методологических основаниях проведения междисциплинарных исследований воздействий на развитие человека новых биомедицинских возможностей и биоэтические ограничения их применения. Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 05-03-90306а.

Ключевые слова: конструирование человека, биотехнологии, сценарии будущего.

Possible continuities of aftermath of human engineering wide use are taking under consideration. Emphasis is placed on the methodological reasons for interdisciplinary researches of the influence of biomedicine sledding on the human development and bioethical limitation of its usage. The research was supported by grant RHSF № 05-03-90306a.

Key words: human engineering, biotechnologies, future continuities.

УДК 572

От утопии к науке

Споры о ведущей роли природы (или наследственности, или генов) либо общества (соответственно, среды или воспитания) в формировании человеческих качеств ведутся очень давно. Нередко отмечается маятниковый характер смены представлений о том, чем именно определяются эти качества. Действительно, несколько десятилетий назад преобладали представления, в которых ключевая роль отводилась социальным факторам; сегодня же значительно более популярны воззрения тех, кто считает решающим влияние наследственности (генов). Разумеется, в качестве основания для такого изменения взглядов обычно называют колоссальные достижения биологических наук, и прежде всего проводимые на молекулярном уровне исследования по генетике человека.

Однако сами по себе эти достижения, сколь бы впечатляющими они ни были, являются лишь одной из причин этого сдвига, в результате которого именно генетическим, а не средовым, не социальным факторам стала отводиться ключевая роль при объяснении природы человека и его поведения. Ведь и сам бурный прогресс биологических наук в существенной степени обусловлен сдвигами социально-культурного порядка.

С одной стороны, исследования в области генетики, и шире — биологии человека, стали несомненным приоритетом не только для современной науки, но и для современного общества. С другой стороны, более высокое доверие к биологическим трактовкам природы человека в противовес трактовкам социологическим или наоборот — это в конечном счете выбор, который делают сами люди, общество.

Здесь уместно будет провести следующую аналогию. Предпочтение биологического либо социологического истолкования природы человека можно сопоставить с предпочтением различных объяснений этих перемен в общественных умонастроениях. Одно из объяснений ставит во главу угла прямое восприятие обществом научных достижений, как если бы общество было непосредственным реципиентом той весьма специализированной интеллектуальной продукции, которую поставляет ему наука. Другое же объяснение акцентирует роль социально-культурных факторов, которые не просто опосредуют передачу обществу интеллектуальной продукции, но и сами в значительной мере определяют те зоны текущего производства новых научных знаний и технологий, привлекающих повышенный интерес со стороны общества. Обращение

к этим факторам, между прочим, позволяет обнаружить немало весьма значимых особенностей и нюансов нынешнего массового «обращения в генетическую веру».

Возьмем только один пример. Зоолог и этолог Франс де Ваал пишет о том, что сегодня противопоставлению природы и воспитания приходит конец [7]. Он вспоминает, что когда в 1970-е гг. в своих публичных лекциях он рассказывал о сексуально обусловленных различиях в поведении шимпанзе, в частности, о том, что самцы более агрессивны и более амбициозны, чем самки, ему приходилось сталкиваться со взрывами протеста¹. Его обвиняли и в проекции своих ценностей на поведение животных, и в недостаточной строгости его методов, и в других грехах.

Сегодня же, по его словам, подобную информацию повторяют столь широко и часто, что она нагоняет на слушателей зевоту. Казалось бы, сторонники биологических объяснений могут праздновать победу, однако де Ваала это отнюдь не устраивает. «Мы ничуть не приблизились к рациональному пониманию взаимодействия генов и среды, — пишет он. — Общество позволило маятнику беспорядочно качнуться назад от воспитания к природе, оставив в недоумении многих обществоведов. Тем не менее мы до сих пор любим выражать все в терминах влияния либо того, либо другого, а не того и другого вместе» [1].

И далее автор говорит о необоснованности и даже опасности такого рода противопоставлений. Он считает, что современные исследования все более определенно показывают взаимопереплетение биологических и социальных детерминант. Вследствие этого, надеется он, в будущем «столь популярные сегодня дихотомии ослабеют вплоть до того, что от них можно будет отказаться. Вместо того чтобы видеть в культуре антитезу природе, мы придем к более глубокому пониманию человеческого поведения, потихоньку проводив в могилу старый спор о примате природы либо воспитания» [7].

Вполне можно было бы согласиться с аргументацией и выводом Ф. де Ваала, если бы не одно обстоя-

тельство. Он ведь далеко не первый, кто предлагает похоронить противопоставление природы и воспитания. Подобные суждения, и вполне аргументированные, опиравшиеся на авторитет новейших научных достижений соответствующего времени, высказывались едва ли не на всех стадиях этого векового спора. Но, как оказывается, до сих пор это не мешало продолжению противоборства, видимо, его питают далеко не одни лишь научные доводы, но и нечто коренящееся в жизни общества и в его культуре.

Тем не менее в наши дни данное противостояние разыгрывается во многом по-новому. С целью иллюстрации обратимся к миру утопии. В нем, как и везде, сегодня происходят кардинальные перемены. Время социальных утопий, видимо, уходит в прошлое. Одной из главных причин этого, вероятно, является то, что утратил актуальность сам *замысел* построения *идеального социального порядка*. Он представляется ныне не только недостижимым, но и не особенно привлекательным. Ключевую роль в его развенчании сыграли антиутопии XX в. — как художественные вымыслы (или прозрения) Е. Замятина, А. Платонова, Дж. Оруэлла, О. Хаксли и других авторов, так и те, не менее жуткие, которыми обернулась практическая реализация некоторых утопических проектов. Поэтому наши искушенные современники бывают не очень-то склонны уповать на социальный порядок — к нему, как правило, предъявляются минимальные требования: только бы не мешал жить.

Сам же импульс, питающий утопическое мышление, отнюдь не иссяк. Теперь оно прорастает на иной почве — *место социальных утопий занимают утопии индивидуальные*. Разумеется, здесь имеются в виду не проекты создания идеального человека — таковые всегда были главной составной частью социальных утопий. Объектом же индивидуальных утопий является будущее не общества, а самого «утопающего», его детей, вообще близких, а то и копий, получать которые можно будет путем клонирования. В пространственном отношении подобная утопия ограничивается близким окружением, оказывается локальной. Вождения же направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная, долгая (в пределе, и сегодня уже отнюдь не только абстрактно мыслимом, — бесконечная) жизнь. Такого рода проекты,

¹ Одну из своих книг он назвал «Политика шимпанзе»: Frans B.M. de Waal. Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes. Baltimore: Jons Hopkins University Press, 1989. В ней описывается, в частности, борьба за статус, которую он наблюдал в колонии шимпанзе, живущих в неволе. Самцы шимпанзе образовывали коалиции, плели интриги и предавали друг друга. Они отчетливо демонстрировали эмоции, напоминающие гордость и ярость, в зависимости от того, признавался или нет их ранг в колонии их собратьями.

ориентированные на достижения (чаще чаемые, чем реальные) генетики, именуют «приватной», «семейной», «домашней» евгеникой.

Ориентиром и мерой прогресса при этом выступает неперестанное, в идеале даже безграничное, расширение индивидуальных возможностей человека. Что касается средств, которые предполагается использовать для реализации указанных упований, то основные надежды теперь возлагаются отнюдь не на социальные преобразования, а на достижения науки и технологии. Действительно, неисчерпаемым источником, питающим утопическое мышление наших дней, являются биологические науки, и прежде всего генетика. Они выступают в данной роли вовсе не впервые, но в контексте современных утопических умонастроений их роль, как мы увидим в дальнейшем, оказывается весьма своеобразной. И, что характерно, при этом вовсе не имеется в виду то взаимодействие, взаимопереплетение биологической и социальной детерминации, о котором говорит де Ваал.

Сказанное никоим образом не означает, что биологические трактовки человека достигли абсолютного господства. Скорее, нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как очередной этап противостояния, конкуренции двух программ — биологической и социальной. Да, сегодня биологическая программа, безусловно, превалирует, однако и социальная программа, претерпевая во многом те же трансформации, что и биологическая, обретает новые возможности для своего развития и практического воплощения.

Обрисованные трансформации являются, скорее всего, лишь одним, хотя и весьма характерным выражением глубоких и далеко не в полной мере осознаваемых нами сдвигов в направлениях и приоритетах нынешнего научно-технического развития. В первую очередь это касается таких областей, как биомедицинские и компьютерные технологии. Яркой иллюстрацией сказанного представляется тематика, к которой ныне обратился автор одной весьма шумевшей в начале 1990-х гг. концепции.

Возобновление истории?

В вышедшей несколько лет назад книге [9] Френсис Фукуяма соглашается с теми его оппонентами, которые оспаривали идею «конца истории». И причина такого изменения позиции вовсе не события 11 сентября 2001 г. Он не склонен интерпретировать атаку терро-

ристов в духе «столкновения цивилизаций» — западной и исламской — по С. Хантингтону. «Я считаю, — пишет Фукуяма, — что эти события вовсе не были проявлением чего-либо подобного и что исламский радикализм, стоящий за этими событиями, есть всего лишь отчаянная арьергардная акция, которая со временем будет подавлена более широкой волной модернизации».

Основанием же для того, чтобы не просто отрицать конец истории, но и, более того, говорить о ее *возобновлении*, является, с точки зрения Фукуямы, происходящая ныне биотехнологическая революция и те вызовы, которые она ставит перед человеком, перед обществом, перед политикой. Эта революция — не просто нарушение или ускорение размеренного хода событий; она приводит к тому, что будущее человечества вовсе не является предопределенным, как то утверждалось в концепции «конца истории». Напротив, оно оказывается открытым, в решающей мере зависящим от наших нынешних решений и действий.

Сценарии «постчеловеческого будущего», которые рисует Фукуяма, выглядят довольно мрачными; причем некоторые из тенденций такого развития событий уже реализуются. Пути же в постчеловеческое будущее как раз и прокладывает биотехнологическая революция. Человечество, впрочем, может избежать такого будущего, но для этого ему надлежит прилагать специальные усилия, причем целенаправленные и скоординированные.

Исходное представление о постчеловеческом обществе автор очерчивает путем сопоставления двух популярнейших антиутопий — «1984» Дж. Оруэлла и «Прекрасный новый мир» О. Хаксли. Обе они, по мнению Фукуямы, предвосхищали две большие технологические революции: базисом первой антиутопии являются информационные, а второй — биологические технологии. Но если технологические предвидения оказались довольно точными в обоих произведениях, то в политическом отношении предвидения Дж. Оруэлла безнадежно уступают тем, которые были сделаны О. Хаксли.

В целом различные модели «жесткого» тоталитаризма, который живописал Оруэлл, ненамного пережили установленную им сакраментальную дату — 1984 г. В то же время технологические возможности, многие из которых уже 70 лет назад предвидел Хаксли, такие как оплодотворение в пробирке, суррогатное

материнство, психотропные лекарства и т.п., в ходе их все более расширяющегося применения заложили основы для более «мягких», однако и более основательных глубинных способов воздействия на человека.

Как писал в этой связи в 1946 г. сам Хаксли, его интересовали в романе «лишь те научные успехи, те будущие изыскания в сфере биологии, физиологии и психологии», результаты которых могут быть непосредственно применены к людям. И далее: «Жизнь может быть радикально изменена в своем качестве только с помощью наук о жизни. Науки же о материи, употребленные определенным образом, способны уничтожить жизнь либо сделать ее донельзя сложной и тягостной; но только лишь как инструменты в руках биологов и психологов могут они видоизменить естественные формы и проявления жизни» [5].

В противоположность «1984» в «Прекрасном новом мире», как отмечает Фукуяма, «зло не столь очевидно, поскольку никто не страдает; действительно, в этом мире каждый получает то, что он хочет... В этом мире нет болезней и социальных конфликтов, нет депрессий, душевных расстройств, одиночества или эмоционального страдания, секс всегда качественный и легко доступный» [9]. Но хотя люди в «Прекрасном новом мире» здоровы и счастливы, они, продолжает Фукуяма, перестают быть *человеческими существами*. Они больше не борются, у них нет желаний, любви, они не чувствуют боли, не встречаются с ситуациями сложного морального выбора, у них нет семей, и вообще они не делают ничего из того, что мы традиционно связываем с человеческим существованием.

«Прекрасный новый мир», таким образом, вовсе не грубое насилие над человеческой природой. Это — радикальное ее преобразование, которое можно интерпретировать даже как полный отказ от нее во имя чего-то другого.

«Цель моей книги, — пишет в этой связи Фукуяма, — показать, что Хаксли был прав, что самая существенная угроза, исходящая от современной биотехнологии, — это возможность того, что она изменит природу человека и, таким образом, приведет нас в «постчеловеческую» стадию истории. Это важно, потому что природа человека существует, что это — осмысленное понятие, что она обеспечивает устойчивую непрерывность нашего существования как вида. Именно она совместно с религией определяет наши самые фундаментальные ценности. Природа

человека формирует и ограничивает возможные виды политических режимов, так что если какая-либо технология окажется достаточно могущественной, чтобы переформировать нас, то это будет, видимо, иметь пагубные последствия для либеральной демократии и для природы самой политики» [9].

Сегодняшнее развитие науки и техники открывает такие возможности реализации утопий, которые были недоступны во времена Хаксли и Оруэлла. «Если, — пишет Фукуяма, — оглянуться на средства, которые использовали социальные инженеры и планировщики утопий прошлого столетия, они представляются невероятно грубыми и *ненаучными* (курсив наш — Б.Ю.). Агитпроп, трудовые лагеря, перевоспитание, фрейдизм, выработка рефлексов в раннем детстве, бихевиоризм — все это было похоже на то, как если бы квадратный стержень природы человека пытались забивать в круглое отверстие социального планирования. Ни один из этих методов не опирался на знание нейронной структуры или биохимической основы мозга; ни у кого не было понимания генетических источников поведения, а если и было, то его нельзя было применить для воздействия на них» [9].

По правде говоря, сам по себе недостаток научных знаний редко ограничивает утопически-конструкторскую мысль, и едва ли изобретатели и пользователи перечисленных Фукуямой методов воспринимали такой дефицит как серьезное препятствие. Напротив, как уже отмечено в начале статьи, каждый из этих методов считался, а в известной мере и был воплощением самых последних достижений научного гения, которые тогда было попросту невозможно оценивать и критиковать с сегодняшних позиций. Вместе с тем не стоит переоценивать научную обоснованность и практическую эффективность современных, безусловно, намного более изощренных технологий воздействия на человека. Вполне вероятно, что через полстолетия и они будут восприниматься как ужасно грубые, неэффективные и малонаучные. Вероятно, различия между утопизмом тогдашним и нынешним лежат совсем в другой плоскости.

Обращаясь к вопросу о том, насколько реальны опасности, порождаемые современной биотехнологией, Фукуяма рассуждает следующим образом. Возможно, замечает он, со временем мы обнаружим, что последствия биотехнологии исключительно благоприятны и что зря мы из-за них теряли свой спокойный сон. Воз-

можно также, что биотехнология окажется не столь могущественной, как это представляется сегодня, или что люди проявят достаточную умеренность и осторожность в обращении с нею. Но эти оптимистические ожидания подрывает то обстоятельство, что в отличие от многих других научных достижений биотехнология создает неразделимую смесь очевидных благ и трудноуловимого вреда. «Во многих случаях, — отмечает Фукуяма, — медицинские технологии предлагают нам сделки с дьяволом: более продолжительная жизнь, но с пониженными умственными способностями; освобождение от депрессии с одновременным освобождением от творчества и от духовной жизни; лечение, которое размывает грань между тем, чего мы достигаем сами по себе, и тем, чего мы добиваемся за счет воздействия на наш мозг различных химикатов» [9].

Скорее всего, такое противопоставление биологических и медицинских технологий всем другим является излишне резким. Практически в любой новой технологии, предлагаемой для практического использования, поскольку с ней так или иначе придется взаимодействовать человеку, можно выделить как позитивные, так и негативные стороны. Более того, специальный междисциплинарный комплексный анализ *любой новой технологии*, направленный на выявление позитивных и негативных сторон, на оценку связанного с ней риска и управление им, который можно назвать *гуманитарной экспертизой* [1], представляется сегодня чрезвычайно актуальной и совершенно необходимой формой оценки технологий. И все же нельзя не признать того, что именно биомедицинские технологии несут в себе особый, самый непосредственный, если так можно выразиться, интимный риск для человека, поскольку ими определяются возможности самых радикальных модификаций его телесного и психического существования.

На пути в сказку: сценарий № 1

Фукуяма описывает четыре биотехнологических пути, ведущих в постчеловеческое будущее. Это — расширение знаний о мозге и биологических основах человеческого поведения; нейрофармакология и манипулирование эмоциями и поведением; продление жизни; генетическая инженерия.

Рассматривая науки о мозге, Фукуяма дает характеристику того, что он называет биотехнологической

революцией. Она отнюдь не сводится к тому, что происходит в области генетической инженерии; более того, возможно, для того чтобы попасть в постчеловеческое будущее, нам вовсе не придется ждать ее грандиозных успехов. «То, что мы переживаем сегодня, — пишет Фукуяма, — это не просто технологическая революция в нашей способности декодировать ДНК и манипулировать ею, а революция в основополагающей науке — биологии. Эта научная революция опирается на открытия и достижения в ряде взаимосвязанных областей помимо молекулярной биологии, включая когнитивные науки о нейронных структурах мозга, популяционную генетику, генетику поведения, психологию, антропологию, эволюционную биологию и нейрофармакологию» [9].

В течение большей части XX в., констатирует Фукуяма, в естественных, а особенно в социальных науках по большей части подчеркивали культурную, а не природную детерминацию поведения. Однако сегодня многие, напротив, говорят о ведущей роли генетических причин (при описании этого сдвига Фукуяма также прибегает к метафоре маятника). Этот сдвиг в воззрениях ученых находит отражение и в СМИ, которые широко обсуждают «гены, ответственные за...» все — от интеллекта до излишнего веса и агрессивного поведения. Популярной темой стала генетическая детерминация работы мозга в том, что касается не только интеллекта, но и преступного поведения, сексуальных ориентаций и т.п. Конечно, в каждом случае можно дискутировать об относительном весе генетических и социальных причин, но само существование генетического фактора делает обсуждение этих черт поведения крайне противоречивым, поскольку оно означает, что возможности моральной регуляции весьма ограничены.

Важно, однако, то, отмечает Фукуяма, что «научное знание о причинах неизбежно ведет к технологическим поискам путей манипулирования этими причинами. Например, «обнаружение биологических коррелятов гомосексуальности — пренатальных андрогенов, характерной нейроанатомии или гена гомосексуальности, лежащего в основе этих андрогенов, — открывает возможность найти некогда «лечение» от гомосексуальности» [9].

И далее автор предлагает такой мысленный эксперимент: допустим, через 20 лет мы станем хорошо понимать генетику гомосексуальности и откроем для

родителей возможность резко снизить вероятность того, что у них родится гомосексуальный ребенок. Для этого не обязательно прибегать к генетической инженерии — хватит и таблетки, обеспечивающей достаточный уровень тестостерона в утробе матери для того, чтобы маскулинировать мозг развивающегося зародыша. Пусть такое лечение будет дешевым, эффективным, безопасным и будет назначаться с сохранением врачебной тайны. Допустим, что общество станет абсолютно терпимым по отношению к гомосексуалам. Многие ли из будущих матерей выберут тогда такое лечение? Фукуяма полагает, что очень многие, включая даже тех, кого возмущает дискриминация гомосексуалистов.

Гомосексуальность при этом станет восприниматься как нечто подобное плешивости или низкому росту — пусть и морально непредосудительное, но тем не менее то, от чего собственных детей лучше бы избавить. А это приведет к тому, что вскоре гомосексуалисты вновь станут подвергаться дискриминации, и даже более жестокой, чем прежде. В основе дискриминации будет лежать «домашняя евгеника», осуществляемая посредством актов свободного выбора, который делают родители.

К аналогичным последствиям может привести и расширение наших знаний о тех структурах мозга, которые ответственны за интеллектуальные способности или за антисоциальное поведение. Общим для всех подобных ситуаций является прежде всего то, что всякий раз мы не можем с определенностью сказать, имеем ли мы дело с терапевтическим вмешательством, т.е. предотвращением или лечением какого-то заболевания, либо с воздействием, цель которого — получить ребенка с улучшенными (по сравнению с тем, что он получает генетически) свойствами. И такая неопределенность, обусловленная тем, что очень часто мы не можем однозначно разделить болезнь и здоровье, характерна для многих современных биомедицинских технологий. (Этой теме — различению между лечением и совершенствованием, улучшением человека — был посвящен один из докладов, подготовленных в 2002 г. Президентским советом по биоэтике США (Distinguishing Therapy and Enhancement. Staff Working Paper. <http://www.bioethics.gov/>) [11]. См. также статью Л. Касса [3], который во время подготовки доклада о соотношении терапии и улучшении человека возглавлял этот совет.)

На пути в сказку: сценарий № 2

Следующий маршрут в постчеловеческое будущее, который обозначает Фукуяма, — нейрофармакологический контроль поведения. Представляется, что из всех описанных Фукуямой путей именно этот ближе всего подводит нас к постчеловеческому будущему. В основном речь идет о двух чрезвычайно популярных в США препаратах — прозаке и риталине; но весьма интересен и анализ тех социальных сил и интересов, которые обеспечивают и подстегивают эту популярность.

Действие прозака основано на том, что он повышает уровень серотонина в мозге; серотонин — нейротрансмиттер, соединение, контролирующее передачу нервных импульсов. Уровень серотонина непосредственно воздействует на наши эмоциональные состояния, такие как чувство благополучия, самооценка, страх и т.п. Низкий уровень серотонина ассоциируется со слабым контролем импульсов, несдерживаемой и неоправданной агрессивностью, депрессией и склонностью к суициду. Было показано, между прочим, что обезьяны, обладающие низким статусом среди себе подобных, имеют и низкие уровни серотонина; напротив, у обезьян, которые занимали доминирующие позиции, отмечалось высокое содержание серотонина [8].

Фукуяма характеризует прозак и сходные препараты как главное культурное явление конца XX в.; он упоминает книги-бестселлеры, прославляющие прозак как удивительное лекарство, чудесным образом изменяющее личность. Сегодня прозак и сходные препараты принимают около 28 млн американцев, или 10% населения.

Вместе с тем выходит немало публикаций, направленных против прозака. В них говорится о побочных эффектах этого средства, таких как прибавление веса, уродливые судороги, потеря памяти и многое другое, о чем умалчивают его производители. Вполне возможно, что на смену прозаку придут новые, более безопасные препараты, а сам прозак из-за побочных эффектов перестанет восприниматься как чудо-лекарство. Но, отмечает Фукуяма, более трудная политическая и моральная проблема возникнет в том случае, если окажется, что прозак или какая-либо его усовершенствованная модификация окажутся безвредными. Ведь прозак воздействует на

такие ключевые для психологии человека эмоции, как самоуважение и самооценка.

Общепринятый и морально одобряемый путь повысить самооценку всегда был таков: бороться с собой и с другими, упорно работать, безропотно переносить болезненные жертвы, с тем чтобы в конце концов возвыситься и увидеть, что ты добился своего. (Именно этот аргумент играет ключевую роль в уже упоминавшейся статье Л. Касса [3].) Но с появлением препаратов, подобных прозаку, фармацевтическая индустрия может поставлять более высокий уровень самооценки в бутылках, просто повышая уровень серотонина в мозгу. «Понятно, — пишет Фукуяма, — что в мире существуют миллионы людей, у которых депрессия носит клинический характер, а уровень самооценки находится намного ниже должного. Для них прозак и сходные лекарства стали настоящей находкой. Но низкий уровень серотонина не является определенным показателем патологического состояния; существование же прозака открывает путь для того, что Крамер (один из наиболее ревностных пропагандистов прозака — Б.Ю.) удачно назвал косметической фармакологией, когда лекарство употребляется не из-за его терапевтической ценности, а просто для того, чтобы „почувствовать себя еще лучше“» [9]. Прозак, таким образом, может использоваться как своего рода таблетка счастья, что весьма похоже на сому из «Прекрасного нового мира» Хаксли.

Другой препарат — риталин — применяется для лечения синдрома, известного как «дефицит внимания — гиперактивность». Это «расстройство» распространено у маленьких мальчиков, которым бывает трудно тихо сидеть в школьном классе. С 1980 г. этот синдром фигурирует в официальном перечне психических расстройств, составляемом Американской психиатрической ассоциацией. Между тем, несмотря на десятилетия исследований, причины его не установлены, и диагностируется он только по весьма субъективно определяемым симптомам, таким как затрудненная концентрация и гиперактивность моторных функций. По некоторым оценкам, ту или иную форму данного расстройства можно обнаружить у 15 млн жителей США, а это значит, что страна переживает эпидемию ошеломляющих размеров. Здесь, как не трудно заметить, мы сталкиваемся с феноменом *медикизации*, кода болезненными начинают считаться состояния, которые вполне допустимо интерпретиро-

вать как флуктуации, находящиеся в пределах нормального распределения.

Между тем последствия такой медикализации на личностном уровне далеко не безобидны. Те, кто считают себя больными этим расстройством, часто впадают в отчаяние, полагая, что их неспособность концентрироваться обусловлена не слабостью характера или отсутствием воли, а является результатом нервного заболевания. Тем самым они получают возможность снять с себя ответственность за собственные действия.

По сути дела риталин выступает как медикаментозное средство социального контроля за поведением детей. Оно, видимо, может оказаться намного более эффективным, чем ранняя социализация или терапия фрейдистского толка².

Весьма интересно и описание социальных механизмов такой медикализации. В ее основе — совпадение самых разных интересов. Прежде всего, это простое своекорыстие родителей и учителей, которые не хотят тратить время и силы для того, чтобы дисциплинировать, отвлекать, забавлять или воспитывать трудных детей старомодными способами.

Другая влиятельная группа поддержки — это фарминдустрия, в частности, компании, производящие риталин и родственные ему препараты. Среди них особенно известна фирма «Новартис», которая в 1995 г. была уличена в том, что она пожертвовала 900 тыс. долларов организации, объединяющей родителей, у детей которых диагностирован синдром гиперактивности.

На этом, впрочем, развитие событий не останавливается. В прессе уже появляются сообщения о том, что риталин входит в моду у американских подростков, которые всеми неправдами добывают его и употребляют без всяких на то медицинских показаний. В целом же ситуация представляется далеко не безобидной. Хотя употребление риталина и подобных препаратов приобретает массовые масштабы, их отдаленные эффекты до сих пор мало изучены.

² Фукуяма не прав в своем пренебрежительном отношении к методам формирующего воздействия на личность, осуществляемого на социальном и социально-психологическом уровне. Эти методы, замечу еще раз, отнюдь не исчерпали своего потенциала, и их конкуренция с методами биологического воздействия, несомненно, будет стимулировать их интенсивное развитие. Никим образом не следует считать отошедшими в прошлое и проекты социального (в противовес биотехнологическому) конструирования человека.

Прозак и риталин, утверждает Фукуяма, лишь первые предвестники нейрофармакологической волны биотехнологической революции, первое поколение психотропных препаратов. «Практически всего, что связывается в воображении людей с генетической инженерией, можно будет добиться в более короткие сроки с помощью нейрофармакологии» [9]. Так, бензодиазепины могут быть использованы для снижения тревожности, поддержания спокойного, но активного бодрствования, для улучшения сна; воздействуя на уровень ацетилхолина, можно будет улучшать способность к изучению новых фактов и сохранению в памяти получаемых знаний; регулируя уровень дофамина — повышать выносливость и мотивацию; манипулируя эндогенной опиатной системой, уменьшать чувствительность к боли и повышать порог удовольствия.

Распространение психотропных препаратов в США, продолжает Фукуяма, демонстрирует три мощные тенденции: желание людей как можно больше медикализировать свое поведение, с тем чтобы снизить ответственность за свои действия; давление экономических интересов; тенденцию все больше и больше расширять сферу терапевтических воздействий — ведь всегда можно найти доктора, который согласится, что любая неприятная или огорчительная ситуация есть патология, так что в скором времени общество узаконит оценку такого рода ситуации как состояния нетрудоспособности, которое должно быть так или иначе компенсировано³.

Все эти тенденции ведут нас в такое общество, которое во многих отношениях ближе к «прекрасному новому миру» Хаксли, чем к миру, к которому, при всех его несовершенствах, мы так привыкли. Опять же никто, никакая тоталитарная власть не загоняет людей

³ Пару лет назад проблема риталина привлекла внимание и Совета Европы. При этом критиков широкого применения диагноза «синдром гиперактивности», а следовательно, и подобных препаратов не стали опровергать по существу, а решили попросту проигнорировать как сторонников сайентологии. Вполне допустимо, что сайентологи активно выступают по этому вопросу, поскольку сами они вследствие применения психофармакологических препаратов теряют своих клиентов-пациентов. Их методы борьбы с синдромом гиперактивности носят не медикаментозный, а психотерапевтический характер. Таким образом, одной из пружин этой полемики оказывается банальная борьба за рынок сбыта. Однако далеко не все противники психофармакологического воздействия на детей с синдромом гиперактивности являются приверженцами сайентологии, и в любом случае огульные обвинения редко способствуют прояснению сути дела.

в этот новый мир. Он будет (если будет) построен путем свободных решений, множества актов свободного и добровольного выбора, осуществляемых самими людьми.

На пути в сказку: сценарий № 3

Еще один путь, ведущий в постчеловеческое будущее, Фукуяма связывает с перспективами существенного продления жизни человека. Сегодня эти перспективы связываются со щедро поддерживаемыми биотехнологической индустрией исследованиями, во-первых, теломеров — концевых участков хромосомы, эффектом которых является ограничение общего количества делений каждой соматической клетки, в частности, с открытием фермента теломеразы, который позволяет обеспечить бесконечное количество делений клетки, а во-вторых, стволовых клеток, способных делиться бесконечно.

Тенденция увеличения средней продолжительности жизни действует уже достаточно долго, и одним из ее последствий является старение населения, столь характерное для развитых стран. В достаточно близком будущем, однако, эта тенденция может резко усилиться, так что к 2050 г. средний возраст жителей США достигнет 40 лет (в 1850 г. он составлял 19 лет, а в 90-е гг. прошлого столетия — 34 года), Германии — 54, Японии — 56, а Италии — 58 лет. Половина населения при этом будет в пенсионном возрасте.

Фукуяма различает две категории долгожителей. Первая — это люди в возрасте от 65 до примерно 80 лет, обладающие хорошим здоровьем и способные вести активный образ жизни. Вторая — те, кому за 80. У этих людей способности очень часто ослаблены, и они, подобно маленьким детям, целиком зависят от окружающих.

Возникает, таким образом, следующая проблема: существующие и разрабатываемые сегодня медицинские технологии нацелены прежде всего на продление телесной, биологической жизни. Поэтому резкое увеличение количества долгожителей второй категории, не сопровождаемое соответствующим улучшением качества их жизни, может привести к тому, что люди смогут доживать до 150 лет, но при этом последние лет 50 они будут находиться в совершенно беспомощном состоянии. Именно такое одностороннее развитие медицинских технологий, полагает Фукуяма, уже стало причиной того, что общество уделяет столь большое

внимание проблемам эвтаназии и ассистируемого (врачом) самоубийства. Отнюдь не очевидно, таким образом, что существенное продление жизни люди будут воспринимать как благо. «...Жить с осознанием собственной конечности, — отмечает Л. Касс, — условие многих замечательных вещей в человеческой жизни [3]. Того, что мы принимаем на себя обязательства серьезности, вкуса к прекрасному, возможности проявлять достоинство и добродетель, связей, заражающихся в связи с появлением потомства, поисков смысла. Хотя эти аргументы выдвигались против бесмертия, они применимы и против более умеренного продления максимального срока жизни, особенно при хорошем здоровье, которое позволило бы нам жить, как если бы все было еще впереди» [4, 6].

Другая, более отдаленная проблема, о которой говорит Фукуяма, такова: «Будет меняться и отношение людей к смерти. Возможно, смерть станет восприниматься не как естественная и неизбежная сторона жизни, а как предотвратимое зло вроде полиомиелита или кори. В таком случае принятие смерти может представляться как нелепый выбор, а не как то, что надлежит встречать с достоинством и благородством» [9].

На пути в сказку: сценарий № 4

Последний и самый отдаленный маршрут в будущее, обсуждаемый Фукуямой, — это генетическая инженерия, которую он характеризует как «самую революционную биотехнологию». Сегодня генетическая инженерия применяется главным образом в сфере сельскохозяйственных биотехнологий, что уже вызывает споры и протесты повсюду в мире. Перспективы же применения ее к человеку побуждают говорить о новой форме евгеники, т.е. опять-таки о возможности изменить природу человека.

Характерный символ генетической инженерии — это «дитя проекта» (designer baby). Предполагается, что генетики сначала определяют «гены, ответственные за» такие свойства, как интеллект, рост, цвет волос, агрессивность или самооценка, а затем на основании этих знаний создадут «наилучшую» версию ребенка. Причем не обязательно даже, чтобы тот или иной потенциальный ген был человеческим.

Конечно, этот путь чреват многими опасностями, часть из которых сегодня обсуждается в дискуссиях по поводу клонирования человека. Действительно, модификация существующих или введение новых ге-

нов могут спровоцировать множество самых разнообразных и неожиданных последствий. Важно поэтому, чтобы практическое применение любой формы генетической инженерии, которая может привести к значительным эффектам на популяционном уровне, предварялось убедительной демонстрацией ее желательности, безопасности и относительной дешевизны. Однако такой рациональный ход событий вовсе не является предзаданным.

Уже есть прецеденты того, что новые медицинские технологии порождают популяционно значимые эффекты в результате миллионов решений, которые люди принимают на индивидуальном уровне. «Достаточно, — пишет Фукуяма, — всего лишь взглянуть на современную Азию, где сочетание дешевых радиogramм и легкодоступного аборта привело к резкому изменению в соотношении полов. В Корее, например, в начале 1990-х гг. рождалось 122 мальчика на 100 девочек при нормальном соотношении 105 к 100. Соотношение в КНР лишь немногим меньше, 117 мальчиков на каждые 100 девочек, а в северной Индии существуют места, где это соотношение еще более смещено⁴. Это привело к дефициту девочек в Азии, который экономист Амартия Сен оценил в 100 млн. Во всех этих обществах аборт в целях выбора пола незаконен; но, несмотря на давление правительств, желание отдельных родителей иметь наследником мальчика порождает сильно деформированное соотношение полов» [9].

По словам Г. Стока, «в большинстве стран мира закон запрещает использовать тесты на определение пола ребенка для целей выбора пола, но такая практика является общепринятой. Исследование, проведенное в Бомбее, дало удивительный результат: из 8 000 абортированных зародышей 7 997 были женского пола. А в Южной Корее такие аборт получили такое распространение, что около 65% детей, рождающихся третьими в семье, — мальчики,

⁴ В рабочем докладе «Этические аспекты выбора пола», подготовленном аппаратом Совета по биоэтике при президенте США (январь 2003 г.), приводятся несколько другие данные: Венесуэла — 107,5; Югославия — 108,6; Египет — 108,7; Гонконг — 109,7; Южная Корея — 110; Пакистан — 110,9; Дели, Индия — 117; Китай — 117; Куба — 118; в Азербайджане, Армении и Грузии эта величина достигает 120. Авторы доклада считают, что, если соотношение количества мальчиков и девочек при рождении превышает 106 к 100, это свидетельствует о реальном применении практики выбора пола. См. Staff Working Paper. Ethical Aspects of Sex Control (<http://www.bioethics.gov/>).

видимо, из-за того, что супруги не хотят появления еще одной девочки» [10].

Перекося в соотношении полов может привести к серьезным социальным последствиям. Так, уже во втором десятилетии нашего века Китай столкнется с ситуацией, когда пятая часть мужского населения, находящегося в брачном возрасте, не сможет найти невест. Ясно, что такой переизбыток неприкаянных молодых людей породит немало проблем.

Неизвестно, станет ли когда-либо генетическая инженерия столь же дешевой и доступной, как радиограммы и аборт. Но если, к примеру, ее методы позволят производить детей с более высоким уровнем интеллекта, то в демократическом государстве это породит новую евгеническую волну. На сей раз, однако, речь пойдет не о том, чтобы предотвратить появление детей у людей с низким коэффициентом интеллекта (задача негативной евгеники), а о том, чтобы помочь таким людям повысить этот коэффициент (задача позитивной евгеники) как у себя, так и у своих детей. Именно государству, таким образом, придется обеспечивать доступность данной технологии, что и приведет к значимым последствиям на популяционном уровне.

Конструирование человека

Утопический проект создания ребенка с заранее предопределенными характеристиками и качествами, или, иными словами, замысел *конструирования человека*, вполне можно считать некоей сверхидеей, которой вдохновляются многие из тех, кто так или иначе вовлечен в биотехнологическую революцию. Этот замысел действительно выступает как новое, современное выражение воззрений, которые акцентируют ведущую роль биологических, генетических начал в определении природы человека.

Но вот некоторое время назад стало известно о таком факте, имевшем место в Москве. Группа достаточно состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования воспроизводит детей с определенным набором личностных черт, таких как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства и т.п.

Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека)

По мнению родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни, где необходимо проявлять противоположные свойства: стремление во что бы то ни стало достичь поставленной цели, самостоятельность, способность прилагать максимум усилий для получения существенных результатов в своей деятельности, наличие развитых коммуникативных и лидерских умений и т.п. Родители готовы были не только платить за образовательные курсы, которые позволят их детям развить такие черты, но и оказывать материальную поддержку с целью разработки соответствующих психологических тренинговых программ. Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании.

Вполне можно было бы порассуждать о том, что для нашей культуры более характерен именно такой подход, акцентирующий влияние среды и воспитания в формировании личности, в то время как в американской (или, может быть, западной?) культуре более свойственно ставить на первый план влияние генов. Здесь, однако, интересует другое, а именно — структурное сходство обоих проектов и, в частности, их специфические отличия от проектов, предлагавшихся в прошлом.

Во-первых, нынешние воззрения отличает существенно *технологический подход*. Он проявляется не только в планировании и организации действий, но и в самом восприятии вещей, включая такие интимные, как черты личности ребенка, даже своего собственного. Имеется в виду при этом такой способ восприятия мира и мышления о нем, который предполагает, что если некто имеет четко определенную цель (скажем, те или иные черты личности) и необходимое количество ресурсов (прежде всего финансовых), то он может достичь этой цели, наняв профессионалов или экспертов, которые будут в состоянии собрать или создать все необходимые средства. В случае генетического проекта эти средства — вмешательства, осуществляемые на молекулярно-генетическом уровне; в случае социального — такие психологические воздействия, о которых столь пренебрежительно отзывался Фукуяма. Представляется, что XX век многократно демонстрировал высочай-

шую эффективность технологий индоктринации, а уж современные методы психологического воздействия, формирования стереотипов восприятия и поведения достигают порой редкостной изощренности. Между прочим, то, что общественное мнение сегодня оказывается столь падким на посулы, исходящие от пропагандистов генно-инженерных технологий, тоже можно в определенной мере рассматривать в качестве результата такой социально-психологической обработки.

Говоря о проектируемом ребенке, мы имеем в виду, что не только некоторые его черты, но и сам ребенок как таковой воспринимается в подобных ситуациях как произведенный, как «созданный» родителями. Причем речь идет о «созданности» не просто в генетическом или социально-психологическом, но и в технологическом смысле. Другими словами, ребенок (а стало быть, и человек) в таких случаях понимается как некое достаточно произвольно конструируемое и даже реконструируемое существо, порожаемое не столько природой, сколько осуществлением человеческого замысла.

Стоит обратить внимание и на то, что нынешние тенденции в восприятии возможных путей использования новых знаний о геноме человека отчетливо демонстрируют тот же самый существенно технологический способ их применения. Более того, те же тенденции во все большей мере определяют и пути получения этих новых знаний.

Во-вторых, технологический подход не только предполагает, но и делает необходимым применение тщательно разработанных, основанных на количественных оценках и измерениях систем *диагностики*. Действительно, необходимо ведь иметь возможность как предварительной диагностики тех черт будущего ребенка, которые предполагается улучшить, так и промежуточной диагностики того, насколько успешно мы движемся к желаемому состоянию.

Очевидно, что системы диагностики должны быть довольно сложными и многомерными; они могут быть созданы только на основе развитых категоризаций, позволяющих систематизировать и классифицировать огромное разнообразие человеческих индивидов. А это значит, что родители, желающие получить своего ребенка в улучшенном варианте, на самом деле будут иметь не просто своего собственного, уникаль-

ного ребенка, а некоторый продукт технологических манипуляций.

Отметим, что генетическая диагностика на сегодня является наиболее развитой областью исследований в геномике человека. И уже известно, что она несет с собой разнообразные риски, затрагивающие права и достоинство человека, риски дискриминации и стигматизации индивидов или популяций. Кроме того, развитие генодиагностики нередко опережает технологические возможности ассимиляции ее достижений. А это создает риск обнаружения дефектов, заболеваний и предрасположенностей, которые не поддаются лечению. Проблемы, касающиеся того, следует ли получать такую информацию и что с нею делать, еще ждут своего решения.

Отметим также и то, что все более широкое применение получают сегодня и методы психологической диагностики, особенно применительно к детям. И в этом случае их применение бывает далеко не безобидным, также являясь источником различных рисков, например, той же стигматизации или травмирующей самооценки (см. в этой связи материалы «круглого стола» «Психологическая диагностика в системе образования и права ребенка» (Человек. 2000. № 6; 2001. № 1)). Но если разработка и применение средств генетической диагностики сопровождаются пристальным вниманием к возникающим в этой связи этическим проблемам, то о применении методов психодиагностики сказать подобное, к сожалению, нельзя. Представляется, что для выявления, оценки и решения указанных проблем особенно важны средства гуманитарной экспертизы.

В-третьих, данный подход опирается на (неявное) допущение, согласно которому человека можно понимать всего лишь как *набор отдельных признаков*. Как известно, классическую генетику первой половины XX в. часто критиковали за то, что она не уделяла должного внимания системным взаимосвязям и взаимодействиям между отдельными генами. В ходу были такие уничижительные характеристики, как «генетика мешка с горохом». Безусловно, современная генетика ушла очень далеко от такого состояния. Сам термин «геном» был предложен, помимо всего прочего, для того, чтобы подчеркнуть системную природу функционирования и выражения отдельных генов в рамках генома как целого.

На этом фоне особенно удивительным представляется то, что сегодня, по крайней мере в публичном восприятии новой генетики и ее перспектив, подобный механистический подход вновь получает распространение. Видимо, его возрождение только отчасти может быть объяснено внутринаучными причинами, главную же роль играют именно запросы широкой публики. Почти каждую неделю средства массовой информации сообщают об открытии нового гена, ответственного не просто за ту или иную болезнь, но часто и за какую-либо привычку или черту поведения. Неоднократно, к примеру, сообщалось об обнаружении гена полноты. Характерно, что «героями» подобных сообщений прессы обычно являются именно те черты, признаки или свойства, которые вызывают у людей наибольший интерес. Имеет смысл обратить внимание и на поразительное совпадение такого рода «мозаичного» восприятия сложных объектов с постмодернистским стилем мышления.

Подобные же соображения касаются и социально-психологического конструирования. Есть все основания говорить о системной организации как взаимосвязанных между собой черт личности, так и связей личности с окружающей ее социальной и культурной средой. Поэтому вполне возможно, что личность, конструируемая или реконструируемая с помощью психологических технологий, будет сталкиваться с серьезными трудностями именно из-за несоответствия превалирующим социальным и культурным нормам и ценностям.

В-четвертых, наконец, принципиальной особенностью современного подхода является его отчетливо выраженный *конструктивизм*. Не только каждая общая или специфическая черта каждого биологического организма, не только биологический организм как целое, но и каждое человеческое существо воспринимается как в некотором смысле созданное, порожденное, как *сконструированное*. Более того, именно эта сконструированность открывает возможности для преднамеренного *ре-конструирования* человеческого существа. Тщательно подготовленные микровмешательства или микровоздействия позволят «отремонтировать», подправить не только врожденные, но и приобретенные дефекты и поломки, а также получать детей улучшенного качества.

Об этом конструировании имеет смысл поговорить более подробно. Сегодня мы знаем, что смерть человека, т.е. конец человеческой жизни, — социаль-

ное событие, не только в том смысле, что оно обычно затрагивает разных людей, но и потому, что оно определяется (и переопределяется) в процессах социального взаимодействия и выработки консенсуса. Кроме того, сегодня событие человеческой смерти, как и обстоятельства, при которых оно происходит, часто является следствием некоторых технических манипуляций (например, отключения жизнеподдерживающих аппаратов), направляемых социально конструируемыми или социально контролируемыми решениями.

На противоположной грани индивидуального человеческого существования мы обнаруживаем сходные изменения. Благодаря технологиям искусственной репродукции рождение, или исходный пункт человеческого существования, также становится вопросом социальных взаимодействий и выработки согласованных определений и решений. В этом случае, впрочем, выработка консенсуса оказывается намного более сложной. Тем не менее трудности с определением момента начала человеческой жизни делают еще более очевидным конвенциональный, т.е. социально сконструированный, характер самого определения. Более того, и это особенно существенно, научно-технический прогресс последних десятилетий открыл возможности *манипулирования* началом человеческой жизни, превращения данного начала из естественного события в событие преднамеренно организуемое, *ре-конструируемое*.

Сегодня мы немало знаем и о социальной природе, социальной конструируемости границ между здоровьем и болезнью. Следовательно, не только начальная и конечная точки, но и все пространство человеческой жизни в определенной, и притом очень существенной мере может быть представлено как социальная конструкция. Очевидно, и в этом случае наши быстро растущие возможности манипулирования человеческим организмом и психикой вкупе с технологической направленностью восприятия и обращения с этими состояниями позволяют нам переходить от «естественных» к «интенциональным» способам социального конструирования.

Под «естественным» способом в данном случае понимается социальное конструирование реальности (или ее определенных фрагментов) в смысле П. Бергера и Т. Лукмана [2]. Их конструктивизм можно охарактеризовать как дескриптивный — они стремятся описывать социальный мир значений таким, каков он есть

сам по себе (или, если воспользоваться выражением К. Маркса, можно говорить о естественно-историческом характере явлений социального мира — они просто происходят с нами или вокруг нас, безотносительно к нашим планам, желаниям и т.п.), и не идут так далеко, чтобы полагать, что эти значения можно формировать и переформировывать преднамеренно. *Интенциональный способ*, в свою очередь, есть сложная смесь технологических возможностей направленного вмешательства, с одной стороны, и намерений, верований, норм и т.д., воплощенных в произвольных и сознательно проектируемых социальных действиях, с другой. Следовательно, в этом случае мы имеем нечто вроде «конструктивного конструктивизма». Безусловно, социальные (и человеческие) действия такого рода являются вполне обычными; интересно же то, что в рассмотренных нами случаях интенциональное социальное конструирование направлено на достижение необычных целей.

Вернемся теперь еще раз к спорам о соотношении природы и воспитания в формировании человека. Напомним, что в первой половине XX в. обе позиции — примат как природного, так и социального — лежали в основе глобальных проектов создания нового мира и нового человека. Так, в нацистской Германии реализовывалась программа радикального совершенствования наиболее ценной части человечества за счет манипуляций, направленных на контролируемое и направленное улучшение видового генофонда. В Советском Союзе предполагалось, что контролируемое и плановое, направленное изменение социального порядка позволит создать не только новое, бесконфликтное общество, но и нового человека — всесторонне и гармонически развитую личность.

Подобного рода проекты, исходящие как из преимущественно биологической, так и преимущественно социальной природы человека, выдвигаются и реализуются и сегодня. Однако между прежними и теперешними проектами существуют принципиальные различия. Прежние проекты основывались на концепциях, описывающих реальность в терминах *детерминации*, и детерминирующих, определяющих сил, будь то генетическая конституция или законы истории, а не того, что конструируется и реконструируется с помощью технологических средств. Основной интерес был направлен на то, чтобы поставить под контроль эти детерминирующие силы. Важно

иметь в виду, что такие проекты могли быть эффективными в достижении поставленных целей только при условии, что детерминирующие силы действуют в огромных масштабах. Отдельная человеческая жизнь воспринималась как бесконечно малая величина.

В сегодняшних же проектах акцентируется не детерминация, а конструирование и ре-конструирование человеческого существования. Соответственно, в качестве исходной и конечной точки нынешних проектов выступает именно отдельная человеческая жизнь.

С этим связана и еще одна отличительная особенность нынешних проектов. В контексте теорий и подходов, подчеркивающих детерминацию — социальную или генетическую — отдельного человеческого существа, главное внимание направляется на некоторое общее начало, на сущность индивида; предполагается, что детерминирующие силы действуют именно на уровне этой сущности, наиболее важной, конститутивной части, а не каких-то вторичных и случайных черт, конкретных деталей индивида. В противоположность этому современные подходы, подчеркивающие конструируемую и реконструируемую природу человеческого существа, обращают внимание прежде всего на такие детали, на частности, оставляя в стороне или попросту игнорируя иные, видимо, более глубокие уровни человеческой жизни и человеческого существования.

Литература

1. Ашмарин И., Юдин Б. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3. С. 76—85.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
3. Касс Л. Нестареющие тела, счастливые души... // Человек. 2003. № 6. С. 47.
4. Кеннеди Л. Что сулит нам продление жизни? // Человек. 2002. № 3.
5. Хаксли О. О дивный новый мир // Утопия и антиутопия XX века. М.: Прогресс, 1990. С. 300.
6. Харрис Дж. Сканирование горизонта. Этические проблемы бессмертия // Человек. 2002. № 3.
7. De Waal F.B.M. The End of Nature versus Nurture // Scientific American. 1999. Dec. P. 94—99.
8. Frank S.R.H. Choosing the Right Pond: Human Behavior and the Quest for Status. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 21—25.
9. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002.
10. Stock G. Redesigning Humans. Choosing our Genes, Changing our Future. Boston; New York: Mariner Books, 2003. P. 14.

